

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

DOI 10.52452/19931778_2022_2_140

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ТВОРЧЕСТВО» В «СЛОВЕ О ЖИТИИ И УЧЕНИИ СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО СТЕФАНА, БЫВШАГО В ПЕРМИ ЕПИСКОПА» ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО

© 2022 г.

И.Ю. Абрамова, Д.А. Рябушкина, О.Ю. Шавлюк

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

irabra@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.02.2022

Рассматривается концепт «творчество», являющийся важной составляющей картины мира для любого художника. Авторы исходят из гипотезы, согласно которой представления о цели, мотивировке, методах работы, отношении творца и читателя разнятся в зависимости от эпохи и мировоззренческих установок художника. Геоцентризм картины мира, свойственный древнерусскому периоду, диктует авторам особые правила творчества: творческая деятельность возводится в статус главной задачи жизнотворчества, т.е. устройства своей жизни благообразно Божьим заповедям. В результате исследования авторы приходят к выводу, что концепт «творчество» имеет существенную специфику, обусловленную тесной связью представления о творчестве с идеями о богоподобии человека, о спасении души и пр.

Ключевые слова: концепт «творчество», древнерусская литература, агиография, древнерусская словесность, геоцентрическая картина мира, канон.

Немаловажным признаком церковно-славянской литературы, формирующим понятие «духовности» литературы, является ее богословствование: размышление о Боге, понимание его свойств, понимание своего отношения к нему и, наконец, способность посредством слова выразить Божественную сущность. Это позволяет житию приобретать характер назидательности, спасительный характер, так как богопознание является путем ко спасению. В связи с богословствованием агиографии как жанра церковно-славянской книжности возникает проблема выражения его на языковом уровне.

Богословствование как идеологическая основа Средневековья является составляющей общей языковой картины мира. В агиографическом тексте богословствование выступает как основная идея, выраженная в основных текстовых категориях, формирующих жанр жития. Идейное содержание, выраженное определенными языковыми средствами, избранными на основе эстетических представлений автора, передается при помощи основных констант, определяющих построение текста, концептов. При таком подходе концепт выступает как главная текстовая категория, определяющая жанр.

Одним из основных концептов, выражающих в том числе и идею богословствования, является концепт «творчество». Для любого художника данный концепт является важной составляющей его картины мира, и, как любой процесс, в сознании человека творчество раскладывается на несколько этапов: мотивировка и подготовка к созданию произведения, сам процесс создания, рефлексия результата и последующая «жизнь» произведения в отрыве от автора. В зависимости от эпохи и мировоззренческих установок художники по-разному решали для себя проблемы цели, мотивировки произведения, методов работы, отношений художника и зрителя. Древнерусская словесность складывается на основе геоцентрической картины мира, а взгляд на человека проникнут идеей его богоподобия. Наряду с разумностью, свободой воли, бессмертием, духовным основанием человека, созданного по образу Божьему, является и способность к творчеству. Восприятие Бога как Творца мироздания и уподобление Ему в средневековый период возводило проблему творческой деятельности в статус главной задачи жизнотворчества, т.е. устройства своей жизни благообразно Божьим заповедям. В связи с этим в религиозной литературе любой

творческий акт, будь то написание текста или построение здания, рассматривался как приближающий к Богу или, наоборот, отдаляющий от Него, и подвергался строгому духовному пересмотру.

В контексте этой проблемы агиографическое произведение, которое, с одной стороны, само является результатом творческого акта, а с другой стороны, изображает пример житнетворчества святого, заслуживает пристального внимания. Наш интерес к «Слову о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа» (в дальнейшем – Житие) вызван содержащимися в нем описаниями создания пермской азбуки и пермской церкви, а также творческим осмыслением этих событий Епифанием Премудрым.

Помимо указанных описаний обширное предисловие отсылает нас к первому этапу творческого процесса – подготовки к написанию текста. Специфика житийных предисловий изучена достаточно подробно [1–5]. Традиционные молитвенные обращения к Богу прежде всего имеют цель нравственного очищения и стяжания благодати Святого Духа:

Прошу дара, да ми пошлет благодать свою в помощь мою, да ми подасть слово твердо, разумно и пространно, да ми воздвигнет умь мой, отягченный унынием и дебельством плотным, да ми очистит сердце мое, отрупленное многими струпы душевных вредовъ и телесных страстей... [6].

Подобные прошения не являются исключительно формами самоуничтожения, а выражают привычный для средневекового сознания взгляд на духовное преображение как единственно возможный способ написания произведения, с помощью которого читатель мог приобрести «плоды спасныя» [6]. Обязательность духовной подготовки и очищения сердца обозначена евангельским принципом: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его» (Лк 6:45) [7]. Святоотеческий опыт по этому вопросу емко и лаконично выразил Игнатий Брянчанинов в труде «Христианский пастырь и христианин художник»: «Когда усвоится таланту евангельский характер, – а это сначала сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, – тогда художник озаряется вдохновением свыше, тогда только он может говорить свято, петь свято, живописать свято» [8, с. 506].

Необходимость *внутренней борьбы* человека появилась вследствие его грехопадения, результатами которого стали, во-первых, подверженность человеческой души губительным стра-

стям, а во-вторых, искаженное видение мира. Вынесенные суждения, основанные на таком видении, априори являются ложными и приводят человека к знанию, названному ап. Павлом «лжеименным» (1Тим 6:20). По этой причине творческая деятельность должна была основываться не на самовыражении, а на глубоком покаянии и самоотвержении автора, дабы не совершить преступление против Истины и не подвергнуть соблазну зрителя. Такое представление накладывало на художника серьезную духовную ответственность за творение. Этот же узкий путь избирает и сам Стефан – в знаменитом периоде Епифаний вкладывает в его уста следующие слова:

Боже и Господи, иже премудрости наставниче и смыслу давче, несмысленным казателю и нищим заступниче, утверди и вразуми сердце мое и дай же ми слово отчее, да тя прославляю во вѣки вѣком [6].

Как и в предисловии, Епифаний акцентирует внимание на необходимости вразумления сердца как главном пути стяжания Божественной благодати. Именно получение благодати делает возможным, чтобы «единъ инок во едино время» сложил пермскую азбуку, в отличие от многих языческих философов, складывающих греческую грамоту «мнозѣми труды и многими времениы» и, очевидно, такой благодатью не обладающих [6]. Свое намерение написания жития Епифаний также включает в это магистральное противопоставление облагодатственного и необлагодатственного творения упованием на Бога, дающего «бесплодным – плод и бесловесным – слово и безгласным – глас» [6]. В большинстве случаев действие благодати Святого Духа в Житии передается с помощью традиционной библейской метафоры «упоения» живой водой (Иер. 2:4, 13), (Пс. 41:2; 142:6), (Ин 4:14) [7]:

...от негоже точатся всяка премудрость, от негоже точатся благодатныя воды... [6];

...напаяемо разумом Божественных Писаний... [6];

...орошением своих си глаголь устуди уста моя... [6].

Христианское представление о результате творческого процесса, основанного на синергии Божественной благодати и свободной человеческой воли к реализации таланта, в своей полноте выражено в описании пермской церкви, заложенной Стефаном. С «вѣрою и теплотою» и «горящим желанием» святитель воздвигает церковь *высоку и хорошу, юже устрои красну и добру, юже изнаряди чюдну въ правду и дивну* [6]. Но без совершающихся в ней таинств Церкви Небесной, приводящих человека ко спасе-

нию, пермская церковь осталась бы лишь украшенным зданием:

Не того же ради, имже чловѣчьскими хитростями утворена или мастерскими козньми и умышлении и догады преухорошена, но преукрашену Божию славою и добродѣтели предобрену и божественными словословии преизъмечтанну и чловѣчским спасением преупещрену и православия лѣпотою преодѣну [6].

Яркий пример соотношения здания храма как внешней формы и Таинств, в нем совершающихся, может служить основанием для любого творческого акта, с точки зрения средневекового сознания, должно иметь главной целью не столько эстетическое воздействие, сколько спасение души и реализующего эту цель путем стяжания даров Святого Духа.

Лексика, выбранная Епифанием Премудрым для описания пермского храма, обращает на себя особое внимание и предваряет будущий переходный этап в осмыслении проблемы ментальных процессов, характерный для XV в. Использование лексемы *преизъмечтанна* как характеристику Церкви Небесной, потрясающей сознание и являющейся предметом чаяний, было бы невозможно в религиозных текстах XI–XIII веков. Лексема *мечта* традиционно воспринималась, с одной стороны, как 'призрак', видение образов и соответствовала греческому *φάσμα*, а с другой стороны, как 'наваждение' (греч. *φαντασία*) [9, с. 235–236]. Источник этих образов книжниками часто подчеркивался определением *бесовская*. Однако анализ словарных статей показывает, что к XV в. семантика слова *мечта* расширяется и становится возможным использование данной лексемы при описании молитвенного состояния как восхождения умом к Богу [10, с. 136].

Постепенное изменение семантики характеризует и лексему *воображение*, являющуюся репрезентантом одного из ключевых понятий концепта «творчество» как для древнерусского книжника, так и для современного писателя. Развитие концепции *воображения* подробно излагает в своей работе А.В. Моторин [11]. Как это ясно следует из внутренней формы слова, для древнерусских авторов *воображение* основывается на созидании святого образа в иконописи и агиографии, устремляющего к *Первообразу*. Сам этот воплощенный, «овеществленный» образ также обозначался лексемой *воображение*. Анализ словоупотреблений в рукописных текстах, произведенный исследователем, показал, что использование данной лексемы в значении 'мысленный, умозрительный образ' отмечается только с конца XVII века, а пе-

реосмысление слова как произвольного вымысла, близкого к позднему греческому *φαντασία*, стало заметно с 1770-х годов [11, с. 118–119]. Исследование восприятия процессов 'мечтать' и 'воображать' в диахронии ясно показывает путь постепенного принятия и одобрения человеческой самостоятельности творения образов. На это указывает и современная синонимия лексем, называющих эти процессы.

Для сознания средневекового агиографа или изографа, характеризующегося теоцентрическим мировоззрением, такое одобрение было немислимым. С одной стороны, как было сказано выше, вследствие грехопадения человек видит мир искаженно, а значит, любое осмысление реальности без должной подготовки и обращения к Богу является «лжеименным». А с другой стороны, во многих случаях представлялась призрачность той самой самостоятельности, поскольку человек может быть наущаем действием бесовских сил и «вложением» помысла. Подобное мыслетворчество ведет к реальным действиям, отдаляющим человека от Бога:

...умѣю чары творити, волхвения же и кудешения, обаяния же и потворы и прочая многи мечты... [6].

В речи волхва лексема *мечта* использована автором во вполне традиционном ключе как результат со-работничества с бесами.

Подобная человеческая активность подчеркивается и в описании идолов, поставленных пермяками. Сами лексемы *болван*, *истукан* уже несут в себе идею сделанного и обработанного человеческими руками материала, однако рядом страдательных причастий Епифаний Премудрый придает нарочито деятельностный характер создания идолов:

...еже суть болваны, истуканныя, изваянныя, издолбеныя, вырѣзом вырѣзаемыя... [6].

В подавляющем большинстве упоминаний кумиров акцентируется именно результат ручного (но не духовного!) труда, а их общее описание не содержит никаких подробностей, кроме количества и размеров:

Бяху же въ Перми кумири различнии – овиши болишии и меншии, друзиши же среднии, а инии нарочитиши и словутниши, и инии мнози [6].

Это безликое описание продолжает собой развитие главной антитезы одухотворенного творения, единственной церкви пермской «преукрашенной Божией славою», многочисленным бездуховным идолам, сделанным людьми по своему умыслению.

В этой связи важным представляется отмеченное исследователями [12–15] еще одно свойство церковной книжности, отличающее ее от литературы в современном понимании и харак-

теризующее в целом отношение древнерусского книжника к любому процессу творчества – отношение к дару творить как к оказанной милости Божьей. Служение словом – это процесс совместного творчества с Богом, что накладывает определенную ответственность на автора: во-первых, он должен соответствовать своему Великому Соавтору и, во-вторых, осознавать, что акт творения отрицает самовыражение в слове. Этот факт породил отношение к церковной литературе как к литературе нехудожественной в современном понимании, поскольку, что справедливо, авторы следовали канону написания, следовательно, в какой-то степени были ограничены в ресурсах выразительности. Книжники Древней Руси разграничивали два противопоставленных понятия: *хитрость* и *художество* как два разных способа создания произведения искусства: если *хитрость* предполагала самовыражение в слове, самостоятельное творчество, то *художество* понималось как дар, исходящий от Бога, и в этом смысле было выше книжной *хитрости* [12]. Этот критерий разграничения, как и обращение к каноническим формам написания произведения, давал средневековым авторам твердое основание для определения истинного произведения искусства – оно должно быть исполнено божественным смыслом, быть продуктом *художества*. Именно поэтому идолы – дело рук человеческих, сотворенное *хитростью*, умением, – не являются для средневекового автора продуктом истинного творчества.

Как видим, концепт «творчество» в картине мира древнерусской агиографической литературе значительно отличается как от наших современных представлений о творчестве, отраженных в современном русском языке, так и от воплощения идеи творчества в других жанровых областях древнерусской словесности. Он имеет существенную специфику, обусловленную тесной связью представления о творчестве с идеями о богоподобии человека, о спасении души и пр. Секуляризация литературы привела к тому, что светская литература, утратив свою религиозность, стала ориентироваться собственно на словесную изощренность, *хитрость* как способность творить человеческим разумом и человеческими руками.

Семантическое наполнение концепта «творчество» в древнерусских агиографических текстах вкратце можно описать следующим образом: основанием для творческой деятельности человека является его богоподобие; цель творчества – спасение души (своей и читателей); единственный возможный способ реализации –

стяжание благодати, путь к ее получению – покаяние и самоотвержение.

Епифаний Премудрый выстроенной системой противопоставлений затрагивает вопросы 1) духовного содержания творения (одухотворенное творение (со-творение) и бездуховное, ложное создание); 2) подходящих методов, среди которых свобода и степень самостоятельности творения образов, которая в современной культуре утратила религиозную оценку.

Список литературы

1. Епифанова Е.А. Структура житийных предисловий в древнерусской агиографической традиции (XII в. до рубежа XIV – XV в.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 16 (345). Филология. Искусствоведение. Вып. 91. С. 41–45.
2. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1988.
3. Ужанков А.Н. О специфике развития русской литературы XI – первой трети XVII века. Стадии и формации. М.: Языки славянской культуры, 2009.
4. Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 20. М.–Л., 1964. С. 29–41.
5. Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. Т. LVII СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 431–500.
6. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа (Подготовка текста Ю.А. Грибова, перевод Е.Г. Водолазкина, Н.Ф. Дробленковой, Л.С. Шепелевой, комментарии Т.Р. Руди) // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10091> (дата обращения: 16.01.2022).
7. Библия, Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. СПб.: Синодальная типография, 1900.
8. Игнатий (Брянчанинов) свт. Христианский пастырь и христианин художник // Полное собрание творений. Т. 4. М.: Паломник, 2002. С. 503–509.
9. Материалы для Словаря древнерусского языка. В 3 т. / И.И. Срезневский. М.: Знак, 2003.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 9 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1975.
11. Моторин А.В. Концепция воображения в древнерусской иконописи и житиях // Икона в русской словесности и культуре: Сб. ст. / Сост. В.В. Лепяхин. М.: Паломник, 2012. С. 109–138.
12. Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI – XVII вв. Минск, 2001.
13. Лепяхин В.В. Икона и иконичность. СПб., 2002.
14. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
15. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. С. 127–135.

**REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF «CREATIVITY»
IN THE «WORD ON THE LIFE AND TEACHING OF OUR HOLY FATHER STEPHEN,
THE FORMER BISHOP OF PERM» EPIPHANIUS THE WISE**

I.Yu. Abramova, D.A. Riabushkina, O.Yu. Shavliuk

The article is dedicated to the concept of "creativity" which is an important component of the world picture for any creator. The authors rely on the hypothesis that the idea of the purpose, motivation, working methods, author's and reader's attitude differ depending on the epoch and writer's ideological point of view. The theocentrism of the world view, typical for Old Russian period, dictates to the authors special creativity rules: creative activity is elevated to the status of the main task of life creation which means arranging one's life according to God's commandments. As a result of the study, the authors conclude that the concept of "creativity" has significant specifics due to the close connection of the its idea with the ideas of godlike person, soul salvation, etc.

Keywords: concept, Old Russian literature, hagiography, theocentric word picture, canon.

References

1. Epifanova E.A. The structure of hagiographic traditions in the Old Russian hagiographic tradition (XII century. to the turn of the XIV – XV century) // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2014. № 16 (345). Philology. Art history. Issue 91. P. 41–45.
2. Klyuchevsky V.O. Ancient Russian Lives of Saints as a historical source. M.: Science, 1988.
3. Uzhankov A.N. On the specifics of the development of Russian literature of the XI – first third of the XVII century. Stages and formations. M.: Languages of Slavic culture, 2009.
4. Tvorogov O.V. Problems of studying stable literary formulas of Ancient Russia // TODRL. T. 20. M.–L., 1964. P. 29–41.
5. Rudy T.R. About the composition and topic of the lives of the pre-like // TODRL. T. LVII St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2006. P. 431–500.
6. A word about the life and teaching of our Holy Father Stephen, a former bishop in Perm (Preparation of the text by Yu.A. Gribov, translated by E.G. Vodolazkin, N.F. Droblenkova, L.S. Shepeleva, comments by T.R. Rudy) // Electronic publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10091> (Date of access: 16.01.2022).
7. The Bible, the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. St. Petersburg: Synodal Printing House, 1900.
8. Ignatius (Bryanchaninov) holy The Christian pastor and the Christian artist // The complete collection of creations. Vol. 4. M.: Pilgrim, 2002. P. 503–509.
9. Materials for the Dictionary of the Old Russian language. In 3 vols. / I.I. Sreznevsky. M.: Sign, 2003.
10. Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries. Vol. 9 / USSR Academy of Sciences, Institute of the Russian Language; editorial board: S.G. Barkhudarov (ed.) [et al.]. M.: Science, 1975.
11. Motorin A.V. The concept of imagination in ancient Russian iconography and lives // Icon in Russian literature and culture: Collection of Art. / Comp. V.V. Lepakhin. M.: Pilgrim, 2012. P. 109–138.
12. Levshun L.V. History of the East Slavic book word of the XI – XVII centuries. Minsk, 2001.
13. Lepakhin V.V. Icon and iconicity. St. Petersburg, 2002.
14. Likhachev D.S. Poetics of Old Russian literature. M., 1979.
15. Likhachev D.S. Man in the literature of Ancient Russia. M.: Science, 1970. P. 127–135.